

К СОВЕТСКОЙ МИФОЛОГИИ ЭСТОНСКОГО ПРОСТРАНСТВА («красная Россия» и «окровавленная Эстония»)¹

ГАЛИНА ПОНОМАРЕВА

Политическая символика красного цвета сводится, в целом, к двум основным значениям: 1) цвет революции и свободы; 2) цвет крови. В советской литературе 1920-х гг. первое значение относили к СССР, а второе — к Эстонии.

В настоящей статье мы рассмотрим произведения, написанные после неудачной попытки коммунистического восстания в Эстонии 1 декабря 1924 г., которое было инспирировано СССР. Литературовед Н. Бассель в статье «Эстонская тема в русской советской литературе» отмечает, что советская литературная общественность болезненно и с возмущением отреагировала на подавление коммунистического восстания [Bassel: 709]. В своей статье, однако, он лишь вскользь говорит о произведениях, связанных с этой темой: эссе А. В. Луначарского «Окровавленная Эстония» и стихотворении Н. Тихонова «Ночь президента». В более поздней работе — «Эволюция эстонской темы в творчестве русских писателей Эстонии» — литературовед, прибавив к названным выше текстам очерк Л. Соболева «Ленин в Ревеле», называет эти произведения «чрезмерно политизированными», а освещение эстонской темы «декларативно-тенденциозным» и отказывается от их рассмотрения [Бассель: 44].

Эти тексты, однако, кажутся нам интересными и достойными более подробного рассмотрения. Их авторов объединяет не только сочувствие к эстонским рабочим, пострадавшим во время подавления декабрьского восстания, но и общая точка

---

¹ Статья написана в рамках проекта базового финансирования науки SF 0130126S08.

зрения на политическую ситуацию: и Луначарский, и Соболев, и Тихонов так или иначе развивали идею о включении Эстонии в состав СССР.

Концепцию отношения советской власти к новым независимым республикам описал Луначарский в статье «Окровавленная Эстония» (1925). Луначарский развивает еще популярные в то время идеи Л. Троцкого и Г. Зиновьева о распространении мировой революции на другие страны: «Вокруг великого Союза Советских Социалистических Республик образовалось кольцо маленьких стран, где благодаря поддержке крупных хищников Западной Европы удалось удержаться буржуазии» [Луначарский: 308]. Критик считает, что прежние окраины Российской империи не могут существовать самостоятельно:

Большинство этих мелких государств не могут жить отделенными от прежней метрополии и не включенными в то же время в какую-нибудь другую государственную систему. Это не страны, это какие-то клочки земли, это не свободные нации вроде Белоруссии и Грузии, которые входят в союз свободных народов, это именно лохмотья, обрывки земли, отданные на поток и разграбление дрожащей от ненависти и страха клике без прошлого и без будущего [Там же].

Носителем революционной идеологии считаются только эстонские рабочие:

<...> а пролетариат этих стран, как это показывает несчастная Эстония, этот благородный, энергичный, пламенный пролетариат видит так близко свое счастье, оно кажется таким возможным, так бросается в глаза эта ужасная нелепость жить под палачеством своей буржуазии, когда можно сказать, несколькими шагами дальше проходит граница, охраняемая Красной Армией братьев [Там же].

В концепции Луначарского весьма наглядно проявляется семиотическое понимание пространства. Напомним, что, по Лотману,

одним из основных механизмов семиотической индивидуальности является граница. А границу эту можно определить как черту, на которой кончается периодичная форма. Это пространство определяется как «наше», «свое», «культурное», «безопасное»,

«гармонически организованное» и т.д. Ему противопоставит «их-пространство», «чужое», «враждебное», «опасное», «хаотическое» [Лотман: 175].

Как раз подобное представление о пространстве выражено у Луначарского. Эстония у него абстрактна и мифологизирована, в ней отсутствуют топонимы. С его точки зрения, эстонское пространство — это *их* пространство, которое совсем недавно было *нашим* общим пространством, поэтому прогрессивная часть населения Эстонии стремится вновь соединиться с *нашим* пространством, т.е. с СССР.

Подчеркнутая семиотичность пространства подкрепляется игрой с семантикой красного цвета. Если полукрасный цвет связан у Луначарского с тюрьмой и насилием, то красный ассоциируется со счастьем, свободой, надежной защитой. По мнению публициста, для эстонских рабочих СССР — это свет, «который сияет всего в нескольких верстах» [Луначарский: 308]. Эстонский пролетариат постоянно рвется в свободную счастливую страну, но из-за закрытой границы он вынужден жить в стране, напоминающей тюрьму. Попытки освобождения влекут за собой жестокую месть буржуазии: «Отчаянные священные усилия пролетариата, почти невольные, почти внезапные, которые он проделывает в своей эстонской тюрьме, навлекают на него только неслыханную зверскую расправу» [Там же].

Мотивы, намеченные в статье «Окровавленная Эстония», продолжены в очерке Л. Соболева «Ленин в Ревеле», написанном в апреле 1926 г. В отличие от Луначарского, который никогда не бывал в Эстонии, Соболев неплохо знал Таллинн (впервые он побывал там в 1917 г., когда учился в Петрограде в Морском корпусе; второй раз — как писатель, в январе 1926 г. на советском корабле. См. записи в его дневнике: [Соболев: 126–128]).

Любопытно, что в его очерке город именуется не Таллинном, как он тогда официально назывался, а носит дореволюционное название Ревель (так же его называли и местные русские жители). Вообще, у советских писателей Ревель 1920-х гг. — это город, где кипят политические страсти. Родо-

начальником «ревельского текста» в советской литературе следует считать Б. Пильняка, побывавшего в Таллинне зимой 1922 г. и описавшего город, в духе традиционного авантюрного романа, в повести «Третья столица». В тексте город фигурирует под тремя разными историческими названиями: Колывань, Ревель, Таллинн. Персонажи повести — бывшие белогвардейцы и агенты Коминтерна; одна из устойчивых коннотаций Таллинна — публичный дом и т.п. В то же время именно Пильняк наметил основные мотивы таллиннского текста 1920–1930-х гг., которые впоследствии окажутся частотными у советских писателей: средневековая башня «Толстая Маргарита» как бывшая царская тюрьма, советский ледокольный пароход «Ленин» в Финском заливе (о «Третьей столице» см. [Пономарева, Трофимов; Пономарева, Шор]).

В очерке «Ленин в Ревеле» Соболев описывает советских моряков, которые встречаются в городе с группой арестованных эстонских рабочих:

По узкой, извилистой улице с горы, из центра, из полицейского управления навстречу нам спускается группа людей. Восемнадцать-двадцать молчаливых, грозно спокойных фигур в рабочих куртках, в кепках, руки в карманы, глаза в мостовую, — и вокруг них с дюжину шапочек пирожком и светло-серых штанов со штрипками, руки на револьверах [Соболев: 137].

Форму эстонских полицейских Соболев описывает верно: тогда они действительно носили серые брюки [Kriik 1994: 36]. Головной убор стражей порядка составляли фуражка и пилотка.

Встреча с полицейскими и рабочими напоминает советским морякам недавнюю попытку революционного восстания 1924 г.: «Из камней мостовой пятнами проступает кровь. И дома кричат каменными стенами трагическое число — 1 декабря» [Соболев: 137]. Понятно, что перед нами метафора: пятна крови на мостовой никак не могут выступить год спустя. С нашей точки зрения, эти «пятна крови» — развитие образа «окровавленной» Эстонии, введенного Луначарским.

По мысли Соболева, революционное возмездие недалеко. Его символом становятся

<...> полуразрушенные в семнадцатом году руками русских матросов стены «Толстой Маргариты» — башни-тюрьмы. Она зияет провалами, шербится на сумрачном небе разваленным верхом толстых круглых стен. Ее не отремонтировали. Она стоит каменным и грозным символом грядущего часа, который придет, когда стрелка истории шевельнет тщетно сдерживаемую отличными шубами и светло-серыми брюками на штрипках сжатую пружину [Соболев: 137].

Соболев развивает тему эстонской тюрьмы, начатую Луначарским: у него в тексте есть и старая дореволюционная тюрьма, находившаяся в «Толстой Маргарите», и полицейское управление, и находящаяся неподалеку новая тюрьма [Там же]. Образы хорошо одетых полицейских у Соболева больше напоминают образы буржуев.

Традиционно у писателя-мариниста море связано со свободой. Так и у Соболева: по Балтийскому морю плавают советские ледоколы; один из них — пароход «Ленин», который освобождает иностранные суда из ледового плена. Но свобода это ограничена. На прибывший в таллиннский порт советский корабль после журналистов и таможенников приходят полицейские. У них «длинные, на штрипках, светло-серые брюки <...> Шапочка — серый пирожок набекрень, зеленые погоны с серебряными розетками» [Там же: 136]. Это портовая полиция (в январе 1926 года полицейские уже должны были носить погоны не зеленого, а стального цвета. Но, возможно, что за месяц погоны еще не успели заменить, поскольку приказ о замене формы относится к 4 декабря 1925 года [Eesti: 38]).

Свободы нет не только в морском, но и в городском пространстве. Напомним, что встреча с группой арестованных и сопровождающими их полицейскими происходит в центре города. Таллинн — не только столица Эстонии, но и центр Эстонии-тюрьмы. У Соболева, в отличие от Луначарского, рабочие изображены более конкретно, а сочувствующие им советские моряки находятся не на границе, как пограничники у Луначарского, а внутри эстонского пространства. Моряки встречают группу арестованных рабочих: «Мы невольно замедляем шаги и почти останавливаемся, растеряв все возбуждение, все шут-

ки, весь смех в этой странной многозначительной встрече. — Э-х... — коротко крикает сбоку боцман» [Соболев: 137].

В стихотворении Н. Тихонова «Ночь президента» (1927), написанном по мотивам декабрьского восстания 1924 г., функция тюремщиков распространяется и на военных. По мнению поэта, после неудачной попытки восстания власть осталась в руках богатых, в Таллинне — по-прежнему стоят неизменные «баронские дома», только немецких дворян сменил «цезарь Эстонии — Аккель²» [Тихонов 1973: 147].

Поведение Акеля во время восстания изображается Тихоновым саркастически. Поэт считает, что Акель — трус. Преследуемый восставшими рабочими, он «вбегает в чердачный зажим, как римлянин в Капитолий» [Там же: 148]. Но и на чердаке Акель продолжает бояться:

Но Цезарь дрожит откровенно,
Порой ему кажется мирный чердак
Утесом святой Елены [Там же].

Как мы видим, Тихонов иронично сравнивает Акеля с заключенным на острове Святой Елены.

Сравним обрисованную поэтом картину с описанием событий в таллиннской газете «Последние известия», которая подробно рассказывала о попытке коммунистического мятежа. В анонимной статье «Как были произведены нападения» было рассказано о нападении на дом Акеля³:

Рано утром позвонил какой-то человек в унтер-офицерской форме. Швейцар открыл двери, как вдруг по знаку незнакомца в вестибюль ворвались еще несколько человек, тотчас же принявшихся за обыск. Главе государства удалось избежать захвата исключительно благодаря присутствию духа и постепенному переходу

² Напомним, что Фридрих Карл Акель (1871–1941) — эстонский политик и дипломат — с 26 марта по 6 декабря 1924 г. был Главой государства. Расстрелян органами НКВД в 1941 г.

³ Глава государства Акель жил в официальной резиденции в центре города, за собором Александра Невского [Vahtre 2006: 218].

в более отдаленные комнаты, двери в которые сейчас же взламывались искавшими его коммунистами [Последние известия].

Историк эстонской полиции Май Крикк уточняет, что Акель закрывал двери на ключ, а поскольку двери были дубовые, то вышибить их было трудно [Krikk 2008: 185]. Акеля спасло не только собственное хладнокровие, но и смелость его адъютанта Шенберга. Он «выпрыгнул из окна и под градом пуль побежал к зданию военного министерства, откуда к дому Главы государства был немедленно выслан броневладелец. При его приближении красные бандиты поспешно убежали» [Последние известия].

Тихонов изображает события несколько в ином свете. Когда борьба кончается поражением коммунистов, то Акель начинает выглядывать из окна:

Но вот тишина, точно жидкое пиво,
Шипит, пригорев на огне,
И Аккель — подмерзшая синяя слива —
Маячит в чердачном окне [Тихонов 1973: 148].

Из окна правитель Эстонии видит генерала-победителя:

И видит: опять у камней на ладони,
Сжимая тюремный кулак,
Проходит, как лаком облитый Лайдонер,
Со сворой вспотевших собак [Там же].

Лайдонер был военным, а не начальником тюрьмы⁴. Но Тихонов для усиления художественной выразительности дает эпитет *тюремный*. Лайдонер, который, по мнению поэта, превра-

---

⁴ Необходимо напомнить, что генерал Йохан Лайдонер (1884–1953) был главнокомандующим эстонской армии, подавившим коммунистическое восстание. Лайдонер — яркая и сложная фигура в эстонской политике. 16 лет он прослужил в царской армии, дослужился до подполковника, был начальником штаба дивизии. В начале 1920-х гг. выступил против сноса памятника Петру Первому в Таллинне; руководил Кайтселийтом (Союз обороны). После установления советской власти был арестован. Умер во Владимирской тюрьме.

тил Эстонию в большую тюрьму, сам отнесен к разряду тюремщиков. Историк Н. Андреев, живший в 1924 г. в Таллинне, вспоминает в связи с восстанием стихотворение Тихонова, где генерал якобы назван «кровавым Лайдонером» [Андреев: 179], но таких слов у поэта нет.

Сочетание «камней на ладони» дано не только ради рифмы с фамилией Лайдонер. По этим камням проходили рано утром восставшие рабочие:

И гулко у дома растут спросонья
Шаги неизвестной породы [Тихонов 1973: 147].

Победившая власть буржуазии агрессивна, «тюремный кулак» — это те тюрьмы, в которые насильно будут заключены восставшие рабочие. Образ генерала-победителя снижен советским поэтом до предела. Лайдонер находится у него где-то между миром людей и агрессивно настроенных животных. Он сильно вспотел, как и его собаки: «Как лаком облитый, Лайдонер со сворой вспотевших собак» [Там же: 148]. Отметим, что собаки у Тихонова не совсем обычные:

И доги⁵, маститые морды вздымая,
Слюняво трясут языки [Там же].

Здесь Тихонов меняет одну букву. Слово «маститые» (т.е. породистые) поэт переделывает на «маститые», т.е. заслуженные. Это собаки, которых уже не раз натравливали на мятежников.

Стихотворение Тихонова довольно быстро стало известно в Эстонии. Просоветски настроенный поэт Й. Барбарус цитирует отрывки из него в статье «Заметки о поэзии в СССР и литературном сегодня», опубликованной в журнале «Лооминг» в 1928 г. [Barbarus: 777].

Итак, образ «окровавленной» Эстонии, возникший в советской литературе во второй половине 1920-х гг., включает в себя ряд образов: с одной стороны, полицейских-тюремщиков (военных), тюрьму и полицейское управление, служебных

⁵ Напомню, что в качестве служебных собак обычно используют немецких овчарок, но никак не догов.

собак, с другой — рабочих, кровь, булыжник. Любопытно, что нигде нет красного флага. Но красный флаг должен символизировать победу, а в советской литературе изображен только тяжелый путь к победе. Эстонский пролетариат от «полукрасного» цвета с трудом движется к «красному» («Красная армия братьев»), потому что на этом пути ему приходится преодолевать много препятствий.

Русские эмигранты, жившие в Эстонии, в отличие от советских писателей и критиков, не идеализировали эстонский пролетариат. Хорошо осведомленный журналист ведущей русской газеты «Последние известия» П. М. Пильский (его квартира около железнодорожного вокзала попала под обстрел 1 декабря 1924 г.) оценивал роль эстонского пролетариата в коммунистическом восстании невысоко:

Попытка бунта не нашла почвы. Эстонский коммунист, один из руководителей восстания, с вполне определенной досадой сказал: «Из-за таких рабочих не стоит рисковать своей головой. Их 30.000, а в восстании участвовала едва сотая часть». Что правда, то правда! Более организованная часть рабочих осталась глуха к их призывам, не шла навстречу их обещаниям и принуждениям, не проявляла вообще никакой активности <...>

На самом деле в восстании участвовали в основном чужаки, инициатива полностью принадлежала пришельцам. Командовали и отдавали приказы незваные гости. Хозяева оставались спокойными наблюдателями. Эстонский пролетариат повернулся спиной к мятежникам, не отдал им доверия и силы, не оказал никакой поддержки [Пильский: 218–219].

Эстонские ученые справедливо называют предпринятую коммунистами попытку государственного переворота «совершенно авантюрной» [Бойков, Исаков, Раясалу: 73].

Сколько эстонских рабочих участвовало в восстании? И что это были за люди? Ответить на этот вопрос поможет книга Юри Саара «Попытка государственного переворота. Первое декабря 1924 в Таллине». Юри Саар — псевдоним известного эстонского журналиста, юриста, общественного деятеля Эдуарда Лаамана. В 1924 г. Лааман был редактором крупной таллиннской газеты “Vaba maa” («Свободная страна»). Есте-

венно, что информацию о попытке большевистского переворота он получал из первых рук. По мнению Лаамана, это была авантюра Коминтерна. Инициаторами восстания были эстонские большевики, пришедшие из России во главе с Яном Анвельтом⁶. Для подготовки к восстанию из России в Эстонию были посланы кадровые военные — командир эстонского полка Аугуст Лиллакас и его адъютант Рихард Кяэр.

По данным Лаамана, из задержанных 140 участников восстания, чьи личности удалось установить, 42 человека оказались портовыми рабочими, грузчиками, из них 33 рабочих трудились в советских учреждениях Доброфлота и Центросоюза [Saag: 95]. Фабричных рабочих, на которых особенно рассчитывали революционеры, было, по данным Лаамана, всего восемь [Там же: 96]. Кто же были остальные участники восстания? По сведениям Лаамана, среди них были профессиональные большевики, служащие советского посольства, чернорабочие, почтальоны, канцелярские чиновники, стрелочники на железной дороге — очень пестрая, но в целом очень серая публика [Там же: 95–96].

Таким образом, мы видим, что тот эстонский «пролетариат», который изображен в советской литературе 1920-х гг., не только идеализирован, но и мифологизирован. Это социальная группа, которая противостоит другой группе (полицейским). Заметим, что ни в одном из трех произведений советских авторов рабочие не находятся в своем пространстве, связанном с их профессиональной деятельностью, т.е. на заводе или фабрике. Они или рвутся к чужому пространству, к границе с СССР, или насильно вторгаются в запретное для них эстонское пространство — в дом, где находится носитель высшей государственной власти. И ни разу в руках этих рабочих не

---

⁶ Ян Анвельт (1884–1937) — известный эстонский революционер, в 1918 г. был в Нарве председателем правительства Эстляндской трудовой коммуны, в 1921–1925 гг. находился на подпольной работе в Эстонии. В 1925 г. вернулся в Россию, был профессиональным военным, а с 1935 г. работал в Коминтерне. В 1937 г. был репрессирован.

появляются рабочие инструменты. Они ничего не создают, а только разрушают: или держат винтовку (у Тихонова), стреляют, ломают двери, или засовывают руки в карманы (у Соболева). Борьба за власть для пролетариата важнее их работы. Понятно, что под видом рабочих все три советских писателя на самом деле изобразили профессиональных эстонских революционеров-коммунистов, живущих в Эстонии в подполье или легально в СССР и мечтающих о присоединении Эстонии к СССР.

В дальнейшем образ полукрасной Эстонии исчезает из советской литературы. Путешествовавший в составе делегации советских писателей по Финляндии и Прибалтике в 1937 г. писатель Н. Тихонов назовет Прибалтику «полуфашистской», а об Эстонии будет писать как о стране, в которой «буржуазное правительство Пятса и Лайдонера больше всего на свете боится революции» [Тихонов 1976: 392]. Считаем, что образ полукрасной Эстонии в советской литературе сыграл в сознании советских людей определенную подготовительную роль для «правильного» восприятия июньского переворота 1940 г., когда, якобы, передовой эстонский пролетариат сверг буржуазию и захотел добровольно присоединиться к Советскому Союзу.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев: *Андреев Н. Е.* То, что вспоминается. Таллинн, 1996. Т. 1.
Бассель: *Бассель Н.* Эволюция эстонской темы в творчестве русских писателей Эстонии // Русские в Эстонии: Сб. ст. Таллинн, 2000. С. 42–50.
Бойков, Исаков, Раясалу: *Бойков В., Исаков С., Раясалу И.* Политическая жизнь // Русское национальное меньшинство в Эстонской Республике. 1918–1940. Тарту; СПб., 2001.
Васильев: *Васильев Г.* Осколки памяти. Из книги воспоминаний // Таллинн. 1989. № 6.
Лотман: *Лотман Ю. М.* Понятие границы // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996.
Луначарский: *Луначарский А. В.* Окровавленная Эстония // Луначарский А. В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1964. Т. 2.

- Пильский: *Пильский П. М.* Первое декабря // Балтийский архив. Таллинн, 1996. Т. 1.
- Пономарева, Трофимов: *Пономарева Г., Трофимов И.* Балтийский топос в «Третьей столице» Б. Пильняка // Б. А. Пильняк. Исследования и материалы. Межвуз. сборник научн. трудов. Коломна, 2011. Вып. III–IV. С. 54–63.
- Пономарева, Шор: *Пономарева Г., Шор Т.* Образы эмигрантов и эстонцев в повести Б. Пильняка «Третья столица» // Toronto Slavic Quarterly. 2010. № 34. С. 75–95.
- Последние известия: Как были произведены нападения // Последние известия. 1924.
- Соболев: *Соболев Л.* «Ленин» в Ревеле // Соболев Л. Неизменному другу. Дневники. Статьи. Письма. М., 1986.
- Тихонов 1973: *Тихонов Н.* Ночь президента // Тихонов Н. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1.
- Тихонов 1976: *Тихонов Н.* Гибель эпопеи // Тихонов Н. Собр. соч.: В 7 т. М., 1976. Т. 6.
- Barbarus: *Barbarus, J.* Märkmeid S.S.S.R-l luuletust ja kirjanduslikust tänapäevast // Looming. 1928. Nr 8.
- Bassel: *Bassel, N.* Eesti ainestikku vene nõukogude kirjanduses // Keel ja Kirjandus. 1972. Nr 12. Lk 708–716.
- Kriik 1994: Eesti politsei. Loomine ja areng: 1918–1940 / Koost. M. Kriik. Tln., 1994.
- Kriik 2002: *Kriik, M.* Eesti poliitiline politsei 1920–1940. Tln., 2002.
- Kriik 2008: *Kriik, M.* Tallinna ja Harjumaa politsei. 1918–1940. Tln., 2008.
- Saar: *Saar, J. [Laaaman, E.]*. Enamlaste riigipöörde katse Tallinnas 1. detsembril 1924. Tln., 1925.
- Vahtré: *Vahtré, L.* Tappa noort vabariiki. 1. detsembril 1924 üritas Moskva hävitada Eesti iseseisvust // Vahtré, L. Ajaloo pööripäevad. Tln., 2006. Lk 215–219.